

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (Б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

12-й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Я Н В А Р Ъ

1 (84)

1 9 2 9

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТИ В. И. ЛЕНИНА

Стр.

В. И. Ленин. Первое мая и война. Неопубликованный конспект реферата	3
М. Покровский. Ленинизм и русская история	13
Д. Баевский. Как ленинский «Империализм» увидел свет	31
И. Лалаяц. О моих встречах с В. И. Лениным за время 1893—1900 гг.	38
А. Шаповалов. Воспоминания о встречах с В. И. Лениным.	71
С. Арканов. Воспоминания о пребывании Вл. Ильича в с. Шушенском	87
В. Крутовский. В одном вагоне с Ильичом	91

СТАТЬИ

В. Бонч-Бруевич. Девятое января 1905 г.	97
В. Мицкевич-Капсукас. Истоки и зарождение коммунистической партии Литвы	153
В. Малаховский. Плеханов о сущности народничества	179

ВОСПОМИНАНИЯ

А. Кучкин. В подпольи в Уфе в 1911—1915 гг.	221
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и обзоры: А. Эйхенгольц. Обзор основных материалов к биографии В. И. Ленина (Ульянова)	243
Рецензии: Гер. Шпилев. Н. Шаханов. 1917 г. во Владимирской губ. М. Эссен. Е. Бройдо. В рядах РСДРП. С. Агурский. Еврейский рабочий, т. IV, ч. 1, составил А. Киржиц. И. Грейнер. М. Намени. Современная Венгрия. Его же. А. Хевеши. Венгерское крестьянство и его борьба. К. Ленин и ленинизм, Указатель литературы	251
Новые книги	264

ХРОНИКА

М. Савельев. Работа института Ленина. Л. Мамет. Первая всесоюзная конференция историков-марксистов. М. Эссен. О 5-м всесоюзном истпартовском совещании.	266
Письмо в редакцию	277

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Я Н В А Р Ь

12-й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

1 (84)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

Вос. Ленинск
М. 2013-580/44

ПЛЕХАНОВ О СУЩНОСТИ НАРОДНИЧЕСТВА

Что такое народничество по Плеханову?

Как известно, впервые Плеханов выступил решительно против народничества в брошюре «Социализм и политическая борьба». В ней он заявлял о полном банкротстве всех теорий и течений народничества и призывал революционную интеллигенцию встать под знамена учения Маркса. Основной задачей, которую он ставил себе в этой знаменитой брошюре, было желание убедить тогдашнюю революционную интеллигенцию, разделявшую к тому времени почти исключительно народовольческие взгляды, в правильности марксистских представлений о политической борьбе и побудить ее к дальнейшему полному переходу к марксизму.

К. Сивков ¹⁾ хорошо делает, воюя против распространенного неправильного взгляда на эту брошюру, которая будто бы стремилась доказать интеллигенции необходимость политической борьбы. К. Сивков указывает, что к моменту выхода брошюры Плеханова в свет все народничество уже стояло под флагом «Народной Воли» и никто из народников не отвергал политику, и потому не было надобности доказывать необходимость политической борьбы. Действительно, сам Плеханов полагал, что старому народничеству, не признававшему политической борьбы, появление партии Народной Воли нанесло смертельный удар ²⁾. Но все же К. Сивков смотрит на дело односторонне, ибо в той же самой брошюре Плеханов совершенно отчетливо указывал, что многие народовольцы признают необходимость политической борьбы только поневоле, смотрят на нее как на борьбу вынужденную обстоятельствами, как на временный компромисс. «Но очень многим из наших социалистов—писал Плеханов—борьба эта (политическая. *В. М.*) до сих пор представляется каким-то вынуж-

¹⁾ К. Сивков, статья «Разногласие между группой «Освобождение труда» и партией «Народной Воли» в сборнике «Группа «Освобождение труда» № 5.

²⁾ Плеханов, Собр. соч., т. II, стр. 43.

денным компромиссом, временным торжеством «практики» над «теорией», насмешкой жизни или бессилием мысли. Сами «политики», оправдываясь от сыпавшихся на них упреков, избегали всякой апелляции к основным положениям социализма, а ссылались опять на неотразимые требования действительности. В глубине души они и сами, повидимому, верили, что им не совсем к лицу политические тенденции»¹⁾.

Вот почему Плеханов в этой брошюре не только давал марксистское освещение вопроса о политической борьбе, но и обосновывал необходимость ее. Исходя из такой установки своей брошюры, Плеханов и дал первое марксистское определение народничества.

Народничество он рассматривает как одно из звеньев в длинной цепи международного утопического социализма. Наше народничество, по мнению Плеханова, явилось разновидностью того эклектического социализма, который господствовал некоторое время во Франции и Германии и был назван Энгельсом «средним социализмом», то есть был смесью различных социалистических сект и учений, сложившихся в период до-научного социализма. «...Такая же точно смесь,—говорит Плеханов,—господствовала в половине семидесятых годов в умах наших социалистов и представляла тот общий фон, на котором выделялись два крайние направления так называемых «впередовцев» и «бакунистов». Первые склонялись к немецкой социал-демократии, вторые представляли собою русское издание анархистской фракции Интернационала. Расходясь между собою в очень многом, почти во всем, оба направления сходились,—как это ни странно сказать,—в отрицательном отношении к «политике». И нужно сознаться, что анархисты были в этом отношении последовательнее русских с.д. того времени»²⁾.

Таким образом, Плеханов считает наше народничество продуктом влияния западноевропейской общественной мысли, а во «впередовцах» видит даже русских социал-демократов. Он рассматривает народническую интеллигенцию, как людей, искренно стремящихся к осуществлению социализма, но только не понимающих еще того, что эклектическая похлебка до-научного социализма давно отжила свой век и не может служить могучим ору-

1) Плеханов, Собр. соч., т. II, стр. 30.

2) Там же, стр. 32.

жием в борьбе за социализм. Неумение же понять устарелость и эклектизм «среднего» социализма и правильность марксистского учения вытекала, по мнению Плеханова, из неразвитости русских экономических отношений.

Пропаганда марксистского учения и дальнейшее развитие России по пути капитализма приведут эту интеллигенцию к правильному пониманию «хода вещей».

Поэтому-то и сама эволюция народничества представляется Плеханову как доказательство исканий социалистической интеллигенцией этого истинного пути. «Русское социалистическое движение,—говорит он,—не сделавшись еще движением нашего рабочего класса, успело уже перепробовать всевозможные оттенки западноевропейского социализма»¹⁾. И Плеханову кажется, что этой интеллигенции остается еще сделать последний шаг, чтобы подобно ему и его товарищам—бывшим чернопередельцам—вступить на почву научного социализма. Для этого нужно только понять и усвоить идеи Маркса. Поэтому свою задачу он видит в доказательстве неверности, утопичности и беспочвенности народнических теорий и программ, в выявлении научности марксизма и всех преимуществ, которое это учение может дать русскому революционному движению. «Ближайшее знакомство с литературой «марксизма»,—писал Плеханов в той же брошюре,—покажет нашим социалистам, какого могучего оружия лишали они себя, отказываясь понять и усвоить теорию великого учителя «пролетариев всех стран». Они убедятся тогда, что наше революционное движение не только ничего не потеряет, но, напротив, очень много выиграет, если русские народники и русские народо-вольцы сделаются, наконец, русскими марксистами, и новая, высшая точка зрения примирит все существующие у нас фракции, которые правы, каждая по своему, потому что, при всей своей односторонности, каждая из них выражает известную насущную потребность русской общественной жизни»²⁾.

Этой идее—убедить народо-вольческую интеллигенцию в неверности ее теоретических построений и в правильности марксизма—посвящена не только вся эта брошюра, на всем протяжении которой Плеханов варьирует ее на разные лады. Она сильно сказывалась и в последующих его произведениях. Вообще

1) Плеханов, т. II, стр. 72.

2) Там же, стр. 71.

говоря, эта идея в 80-е годы была общей для всех членов группы «Освобождение труда».

Лишь с окончательным падением «Народной Воли» члены группы «Освобождение труда» пришли к признанию ошибочности этой идеи и отказались от нее. Прямее и больше всех признавал эту ошибку П. Б. Аксельрод. Уже в 1891 г. он писал об иллюзорности мысли направить «Народную Волю» на путь современного социализма¹⁾. В период первой революции он это повторил. А в своих «Воспоминаниях» он еще раз заявляет, что стремление группы «Освобождение труда» сделать партию «Народной Воли» марксистской не оправдалось на деле²⁾.

Этим признаниям ошибки самими членами группы «Освобождение труда», наряду с изменением характера установки произведений Плеханова, последовавших за брошюрой «Социализм и политическая борьба», некоторые нынешние авторы или не придают никакого значения или, наоборот, стараются доказать, что никакой ошибки здесь не было. Между тем, эта идея группы «Освобождение труда» играла огромную роль во всей тогдашней пропаганде и определяла их неправильное понимание сущности народничества. Но если эта ошибка первых марксистов, действовавших 40 слишком лет тому назад, понятна, то прямо странно видеть, как теперь пытаются оправдать правильность установки группы «Освобождение труда», хотя бы и для 80-х годов. Тем самым эти авторы показывают свое непонимание всего глубокого различия в классовой сущности народнического (народовольческого тоже) движения, с одной стороны, и социал-демократического движения, с другой. Ясно, что столь различные по классовой своей сущности направления—одно просто-демократическое, другое социалистическое—не могли быть объединены в одном социалистическом русле.

1) «Скоро десять лет, как из среды народников и бакунистов выделилась группа русских с.-д., которая, правда, носилась вначале с мыслью направить «Народную Волю» на путь современного социализма и тем спасти ее от угрожающей гибели» (Аксельрод, сб. статей «Рабочий класс и рев. движ. в России», стр. 56.).

2) «Стремление наше начать пропаганду своих новых взглядов в рядах партии «Народная Воля» означало в сущности не что иное, как предоставить ей честь сыграть роль инициатора, организатора и знаменосца социал-демократического движения в России, т. е. открыть радикально новую эпоху в истории ее революционного развития. Как известно, эти надежды наши не оправдались». (Аксельрод, «Группа «Освобождения труда», «Летопись марксизма» VI, стр. 84.)

Как же высказывался Плеханов о сущности народничества в своей первой марксистской брошюре?

Останавливаясь на эволюции народничества, Плеханов рассматривает взгляды русских анархистов-бакунистов и ткачевцев—как незрелые и ошибочные. Эту ошибочность и незрелость их понимал кружок «впередовцев», о котором Плеханов несколько раз говорит, как о направлении, стоявшем «почти целиком на точке зрения социал-демократии» и совершенно свободном от народнических традиций. Но,—указывает далее Плеханов,—«впередовцы» отрицали «политику» так же решительно, как и анархисты, заблуждались насчет движущих сил русского революционного движения, слишком верили во всемогущество своей пропаганды, а потому они и не могли вывести наше движение из той мертвой точки, в которую оно попало в конце 70-х годов.

Партии «Народной Воле» Плеханов придает большое значение и считает, что она сделала большой шаг вперед. «Честь сообщения нового размаха нашему движению,—говорит он,—бесспорно принадлежит «Народной Воле»¹⁾.

При этом Плеханову представляется, что народовольчество явилось как полное и всестороннее отрицание народничества. В народовольчестве он видит новые тенденции, возникшие на почве старых теорий, но уже переросшие их и готовые найти новое теоретическое выражение. «С точки зрения старых народнических теорий,—продолжает Плеханов,—направление это не выдерживало критики. Народничество стояло в резком отрицательном отношении ко всякой государственной идее; народовольцы рассчитывали осуществить свои социально-реформаторские планы с помощью государственной машины. Народничество открещивалось от всякой «политики»; народовольцы видели в «демократическом политическом перевороте» самое надежное «средство социальной реформы». Народничество основывало свою программу на так называемых «идеалах» и требованиях крестьянского населения, народовольцы должны обращаться главным образом к городскому и промышленному населению, а следовательно, и interests этого населения несравненно более широкое место в своей программе. Словом, в действительности, «народовольчество» было новым и всесторонним отрицанием народничества, и пока спорящие стороны апеллировали к основным положениям

¹⁾ Плеханов, т. II, стр. 39.

последнего, «новаторы» были совершенно неправы: их практическая деятельность стояла в непримиримом противоречии с их теоретическими взглядами»¹⁾.

Итак, народолюбчество есть антитеза народничества и нужно только довести до конца начавшийся пересмотр этих старых теоретических взглядов, чтобы придать программе «Народной Воли» характер цельности и последовательности. «Взрывая Зимний дворец,—говорил Плеханов,—нужно было вместе с тем взорвать и наши старые анархические и народнические традиции». «Но,—скорбит он,—ход идей» и здесь отстал от «хода вещей», и пока еще трудно предвидеть, когда он, наконец, его нагонит»²⁾.

Только вследствие этого идея русской самобытности пока что получает новую переработку; вот почему новая фракция народолюбцев продолжает прибегать к старым народническим фикциям. Эта связь «Народной Воли» со старыми предрассудками объясняется Плехановым еще тем, что новое течение находится (к моменту 1883 г.) на промежуточной стадии развития, не успело очиститься от старых ошибок и фикций. «Партия «Народной Воли» есть дитя переходного времени. Ее программа есть последняя программа, родившаяся в тех условиях, которые делали нашу односторонность неизбежным и потому законным явлением»³⁾. И Плеханов снова и снова указывает на необходимость русским социалистам порвать с «бунтарскими» теориями и слиться с несравненно более глубоким и широким течением современного социализма, т. е. встать на точку зрения социал-демократии Запада.

Все той же задаче—критике народнических взглядов и непоследовательности «Народной Воли» содействовать рассеянию иллюзий, фикций, ликвидации прежних ошибок и заблуждений—Плеханов посвящает также и книгу «Наши разногласия».

Последняя ставила те же вопросы не только более резко, чем это было сделано в первой брошюре, но и разбирала их глубже и всесторонне. В книге «Наши разногласия», формально направленной против Тихомирова, подверглись критике все теоретические основы народничества. При этом беспощадно вскрывался эклектизм Лаврова, подробно доказывалась ошибочность теорий Бакунина и Ткачева и неправильность воззрений народников на общину.

¹⁾ Плеханов, т. II, стр. 41.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же, стр. 72.

Однако резкость «Наших разногласий» и такой разносторонний охват темы этой книги вызваны были не только теми нападками, которым подвергалась группа «Освобождение труда» за первый год своего существования, а главным образом потому, что в виднейшем теоретике «Народной воли» — Тихомирове и во всем «Вестнике Народной Воли» Плеханов увидел шаги народовольчества назад, к ошибкам и иллюзиям 70-х годов. Его вера в то, что народовольчество является антитезой народничества, высказанная так определенно и твердо в «Социализм и политическая борьба», оказалась сильно подорванной новыми писаниями Тихомирова и Лаврова. Вот почему он так бешено напал на Тихомирова. «Оружие его (Тихомирова. В. М.) подновлено, подчищено, подточено,—говорил Плеханов в «Наших разногласиях»,—но присмотритесь к нему внимательнее, и вы увидите, что оружие это есть не что иное, как старомодная шпага бакунизма, ткачевизма, украшенная новым клеймом: реакционных теорий мастер В. В. в Петербурге. Ниже я сделаю некоторые выписки»..., из которых видно, что Тихомиров «повторяет лишь то, что десять лет тому назад было высказано редактором «Набата» ¹⁾).

В силу этого трактовка Плехановым в «Наших разногласиях» народничества несколько меняется по сравнению с брошюрой «Социализм и политическая борьба». С этого момента и в последующем Плеханов развивает тот мотив, который им был только намечен в брошюре «Социализм и политическая борьба». Там он, между прочим, указывал на те противоречия, которые заложены в «Народной Воле» между ее теорией и практикой ²⁾). В «Наших разногласиях» и позднее Плеханов особенно подчеркивает народнические элементы в народовольстве, и его вера в возможность марксистской переделки последнего все более меркнет. В статье «Политические задачи социалистов» Плеханов считал, что народовольцы во всем, что касалось экономических отношений России, совершенно разделяли взгляды наших народников ³⁾).

В письме «О социальной демократии в России» Плеханов опять указывает, что с появлением «Народной Воли» у нас возторжествовало яacobинское направление Ткачева. А так как Ткачев разделял общие взгляды Бакунина, то яacobинский дух «Пар-

1) Плеханов, стр. 102.

2) Там же, стр. 69.

3) Там же, т. III, стр. 87.

тии Народной Воли» вовсе не обозначал собою полного разрыва с бакунизмом ¹⁾.

Но и в «Социальной демократии в России» (1893 г.) Плеханов продолжал утверждать, что на «практике партия «Народной Воли» была полным отрицанием бакунизма и народничества» ²⁾.

Впрочем, вера Плеханова в то, что народовольцев можно направить на марксистскую дорогу, окончательно не иссякла не только в «Наших разногласиях», но и в более поздних произведениях. Даже в 1891 г. в письме к Ж. Геду Плеханов в отличие от Аксельрода не признается ему в ошибочности своей веры о возможности перехода «Народной Воли» на рельсы марксизма. В этом письме Плеханов сообщал, что группа «Освобождение труда» с самого начала своей деятельности указывала: «Нанеся своей практической деятельностью смертельный удар всем традициям правоверного народничества (т. е. бакунизму), оказав такие крупные услуги русскому революционному движению, «Народная Воля» может опереться только на теорию современного научного социализма». И тут же Плеханов выражал такую уверенность: «Старые деятели «Народной Воли» были прежде всего революционерами, и, как таковые, их современные единомышленники не могут остаться глухими к голосу социальной жизни своей страны. Вот почему мы думаем, что недалеко то время, когда мы будем иметь удовольствие и честь бороться рядом с ними, под одним знаменем, под красным знаменем революционного пролетариата—знаменем социалистической демократии» ³⁾.

Со свойственным Плеханову упорством, он не признавался в своей ошибке. Эта мысль о народниках как о социалистах, немного заблуждающихся, не совсем разобравшихся в области теории, постоянно вариировалась потом в меньшевистской литературе. Эта же идея крепко сидела и в голове Плеханова. В сущности, продолжая ее долго спустя, в 1917 г., он выступил со статьей в пользу формального объединения социал-демократов с социал-революционерами.

Уточняя и развивая свое понимание сущности народничества, Плеханов выдвигает уже в «Наших разногласиях» мотив от русской жизни. Именно в этой книге Плеханов неоднократно утвер-

¹⁾ Плеханов, т. IX, стр. 20.

²⁾ Там же, стр. 19.

³⁾ Сборник «Группа «Освобождение труда» № 3, стр. 247 и 248.

ждает, что на формирование идеологии народничества повлияло наше славянофильство ¹⁾. В статье «Политические задачи русских социалистов» Плеханов это прямо формулирует. В народничестве, говорит он,—«причудливо переплелись учения утопического социализма тридцатых и сороковых годов с бакунинским анархизмом и с теориями славянофилов» ²⁾.

Еще более четкая формулировка в этом же духе дается им в письме «О социальной демократии в России». Здесь влияние славянофильства на народническую идеологию выдвигается даже на первый план. В этой статье Плеханов выставляет тезис о том, что революционная молодежь 60-х и 70-х годов пошла по пути славянофильской переделки западноевропейского социализма. «Ю. Самарин,—писал здесь Плеханов,—указывая на то, что западный мир выставляет теперь (т. е. в 40 гг.) «требование общины» (т. е. социализма), прибавлял, что это требование «совпадает с нашей субстанцией» и что «в оправдание формулы мы приносим быт». В этом он видел точку соприкосновения нашей истории с западной... В этом взгляде Самарина заключается *ap sich* почти все русское народничество» ³⁾.

В отличие от первой своей брошюры и в уточнение других своих произведений Плеханов в этом письме представляет себе дело так, что именно в 80 гг. эволюция народовольчества шла в направлении укрепления имевшихся и прежде славянофильских тенденций. В 70-х гг.,—утверждает в этом же письме Плеханов,—«интеллигенция смотрела на «народ» через славянофильскую призму. Теперь, (т. е. в 80 гг. В. М.) тот же опыт,—неудача народнических революционных усилий,—заставлял подозревать, что эта призма искажает истинные образы предметов. Считавшийся оконченным спор славянофилов с западниками оживал в новом виде» ⁴⁾.

Убеждаясь таким образом в том, что в народовольчестве возрождается старое славянофильство, Плеханов, находившийся, как известно, под сильным влиянием Белинского и Чернышевского, стал резко нападать на народовольцев, стремясь в конце концов к полному преодолению народнической идеологии.

1) Плеханов, т. II, стр. 102, 288.

2) Плеханов, т. III, стр. 84.

3) Плеханов, т. IX, стр. 14.

4) Там же, стр. 21, (разрядка автора).

И в дальнейшем, несмотря на то, что почти никто из видных марксистов, кроме А. Мартынова, не поддерживал славянофильской версии народничества, Плеханов продолжал видеть идейное родство между славянофилами и народниками. Так было, например, в написанном им в 1917 г. предисловии к 5 изд. книги «К вопросу о монистическом взгляде на историю»¹⁾.

Переход к политической борьбе был сделан, по мнению Плеханова, под влиянием уроков русской жизни. «Не западная, а русская жизнь—писал Плеханов—впервые показала нашим народникам практическую несостоятельность принципа политического воздержания... Они отказались от него, равно как и от бакунинского взгляда на государство. Желябов на суде называл анархические взгляды ошибками молодости русских революционеров». Но, продолжает автор,—«нужно сознаться, что стремление партии «Народной Воли»—как общества заговорщиков—совсем не совпадает с общим ходом русского исторического развития. Поэтому заговорщицкие планы ее были заранее осуждены на неудачу»²⁾.

Подводя итоги изложению плехановского взгляда на сущность народничества, можно сказать, что у него отсутствует понимание социально-классовой подоплеки народничества. Только временами, да и то главным образом в книге «Наши разногласия» он мимоходом указывает, что народники бессознательно становятся выразителями кулачества³⁾. Но такие замечания не устраняют представления о народничестве, как идеологии и движении интеллигенции. Оно представляется Плеханову как в первых его произведениях, так и в последующих незрелыми попытками русской общественной мысли найти пути к осуществлению социализма.

Поскольку же народники 70—80 гг. являлись, по мнению Плеханова, искренними социалистами, верящими, что через общину произойдет социалистическое переустройство страны, постольку они должны были бороться против торжества капитализма и установления господства буржуазии. «Народники понимали,—говорит Плеханов,—что падение самодержавия окончательно развяжет руки нашей буржуазии и послужит сигналом неслыханного развития русского капитализма, а следовательно, и быстрого разло-

1) Сборник «Группа Освобождение труда» № 5, стр. 6.

2) Плеханов, т. III, стр. 86 и 87.

3) Плеханов, т. II, стр. 255 и 269.

жения общины. А так как на общине основывались все их социалистические упования, то неудивительно, что у них не было ни малейшей охоты содействовать своей борьбой торжеству буржуазии. Отрицание «политики» логически вытекало из всех основных положений народничества» 1).

Таким образом, по Плеханову, не мелкобуржуазная сущность народников толкала их на борьбу с нашествием капитализма, а своеобразное и неправильное понимание путей осуществления социализма. Именно это обстоятельство заставляет народников,—полагает Плеханов,—отстаивать общину и отрицать необходимость политической борьбы.

Ниже, из противопоставления Плеханову ленинских взглядов на сущность народничества, мы увидим, какими существенными недостатками отличалась плехановская концепция о народничестве. Сейчас же остановимся на вопросе о том, как повлияли на последующую марксистскую литературу плехановские взгляды на сущность народничества, как они были «развиты» последующими меньшевиками.

Влияние плехановской концепции о народничестве на последующую марксистскую литературу

Как мы видели, определение Плехановым народничества сводилось к представлению о нем, как об одном из этапов развития общественной мысли в России, возрождавшем славянофильскую идеологию. При этом носителями ее являлись передовые элементы интеллигенции, стремившейся к осуществлению социализма. Но благодаря отсталости русской экономической действительности, близкой к азиатчине, этот социализм отличался утопическим характером, был сколком с западноевропейского «среднего» социализма. Плеханов, как позже и Ленин, не считал народников за социалистов-утопистов в духе Фурье, Оуэна, Сен-Симона. Такой период в истории России также имел место и в известном смысле и в определенной степени аналогичными великим западным социалистам-утопистам у нас были, например, Петрашевский, Чернышевский. Народники же являлись утопистами, подобно сторонникам Прудона, Сисмонди и т. д.

Вопросом о народничестве занимался в 90-х годах, можно сказать, каждый из писателей марксистов, и писали об этом очень

1) Плеханов, т. III, стр. 85.

много. Объясняется это тем, что без преодоления народнических взглядов, претендовавших на приоритет в революционном движении, влиявших даже и на ненароднических писателей, нельзя было упрочиться с.-д. партии. Марксистам нужно было разрушить идеологию народничества для того, чтобы утвердить господство в революционном движении марксистской теории и повести за собой русский пролетариат.

Но при этом было бы неправильно согласиться с утверждением т. Рязанова о том, что в 90-е годы и позже русские с.-д. только повторяли и развивали те взгляды на народничество, которые были обоснованы уже в первых произведениях Плеханова ¹⁾.

Как было выше показано, эти взгляды Плеханова тоже складывались не сразу, а постепенно. Рассматривая же теперь писания Аксельрода, Мартова, Потресова, Мартынова, не говоря уже о Ленине, мы ясно видим, что известные отличия (а в сравнении со взглядами Ленина даже очень большие различия) в воззрениях на сущность народничества имели место. Конечно, очень возможно, что, например, Плеханов и Аксельрод этих различий между своими писаниями тогда не замечали (между ними как раз было в отношении оценки народничества наибольшее согласие). Но то, что в 90-х годах мнения марксистских теоретиков по вопросу о сущности народничества были различными, хорошо сознавали иногда и сами эти писатели ²⁾.

Несомненно, что Аксельрод в общем и целом был прав, когда во втором предисловии к книге Мартова «Красное знамя» он говорил, что теперь, к 1904 г., общее отношение массы с.-д. к народничеству стало такое же, как с самого начала было у группы «Освобождения труда». Действительно, к этому времени отрицательное отношение к народничеству, наблюдавшееся у эконо-

¹⁾ Так говорил т. Рязанов в Институте народного хозяйства на торжественном заседании, посвященном 10-летию со дня смерти Плеханова.

²⁾ Потресов заявлял в статье «О «наследстве» и «наследниках», что он во многом согласен с Лениным. Но, очевидно, не во всем, а на деле был как раз во многом не согласен с ним. В. Засулич не понимала ленинской постановки вопроса о народничестве (см. ее отрицательный отзыв в одном из своих писем о книге Ленина «К вопросу об экономическом романтизме»). Не мог, думается, и Плеханов не понимать, что Ленин, критикуя в одном из своих произведений взгляды Струве на народничество, имел в виду самого Плеханова. Впрочем, Мартов не понимал этого различия во взглядах марксистов на народничество и вполне удовлетворялся, напр., критикой народничества со стороны Струве. (См. «Записки Соц.-дем.», стр. 239).

мистов было изжито. Огромное прогрессивное и революционное значение народничества 70-х гг. и «Народной Воли» было признано, как и известная преемственная связь его в русском революционном движении с социал-демократией.

Вообще говоря, между плехановскими определениями народничества—с одной стороны, и оценками народничества ряда будущих лидеров меньшевизма—с другой, мы не найдем большой разницы. Плехановские взгляды были восприняты ими, повторены в более грубом виде и дополнены порой явными псевдомарксистскими рассуждениями. С их легкой руки такие представления о народничестве существуют и поныне. Только характеристика народничества, данная Лениным, значительно отличается от плехановской концепции, хотя в некоторых своих восторженных моментах с нею совпадает.

Но все же каждый из будущих лидеров меньшевизма вносил свой оттенок в определение народничества. Рассмотрим писания некоторых из них.

Ближе всех к оценке народничества, данной Плехановым, стоял П. Б. Аксельрод.

В своих статьях за 90-е годы Аксельрод рассматривает народничество как движение сложившейся в период 60—70 гг. разночинной интеллигенции. Она выступила тогда, когда пролетариат находился еще в стадии формирования, и потому интеллигенция обращает свои симпатии на крестьянство. Под влиянием же утопического социализма начинается идеализация великорусской крестьянской общины, а сельское население объявляется единственным революционным классом. Русская революционная интеллигенция все время колеблется между двумя взаимно-исключающими течениями идей. С одной стороны—ей хочется перенести западноевропейские формы жизни на русскую почву, с другой—она боится вредных влияний этих форм жизни на социально-экономическую основу России. Не уясняя себе социально-классовой подоплеку народнического движения, Аксельрод в народнических воззрениях видит полный противоречий ход мысли интеллигенции, считая, что в нем же «лежит главный логический источник всех ее политических неудач, им объясняется пестрый, хаотический характер ее социально-политического круга представлений»¹).

¹) Аксельрод П. Б. Сборник статей «Рабочий класс и рев. движ. в России», стр. 46—47. (Разрядка моя).

Именно нелогичностью хода мысли интеллигенции, ошибочностью стремления ее во что бы то ни стало сохранить аграрную общину и мелкое крестьянство объясняет в 90-х гг. Аксельрод ее слепоту по отношению к могучему экономическому росту России за последние 30 лет, к образованию в стране многочисленного класса пролетариата. И так как эта интеллигенция, в силу своих воззрений, не солидаризируется ни с рабочим классом ни с промышленной и торговой буржуазией, то она и обречена на роль группы изолированных идеологов.

В соответствии с этим взглядом Аксельродом объясняются и различные этапы эволюции народничества. «Бакунизм, практическое отрицание его, бланкизм, «народнический» абсолютизм (речь, повидимому, идет о В. В.—В. М.), боязливый, расплывчатый либерализм, затем всякого рода неразработанные эклектические комбинации частей различных теорий и программ—таковы этапы, обозначающие не путь, а направление, по которому блуждало политическое мышление нашей интеллигенции в течение последних двадцати лет»¹⁾.

Таким образом Аксельроду смысл всего движения на протяжении целых двух десятков лет представляется простым блужданием политического мышления нашей интеллигенции. Поэтому естественно, что и либеральные черты народничества, столь решительно заявившие о себе в 90-х гг., объясняются Аксельродом психологически: разочарованием демократической интеллигенции безрезультатностью своих усилий, потерей веры в революцию вследствие физического поражения в предшествующем десятилетии²⁾.

Как видим, эти взгляды Аксельрода во многом сходны с Плехановскими. Но эта характеристика народничества отличается упрощенностью, ибо у Плеханова указание на нелогичность и интеллигентскую сущность народничества вправлено в широкую рамку большой картины развития русской общественной мысли и влияния на нее западноевропейской. У Аксельрода же объяснение упрощается, народничество взято изолированно и представлено как течение социалистической интеллигенции, не разобравшейся настоящим образом в социалистических учениях, мечущейся от одного направления к другому.

1) Аксельрод П. Б. Там же, стр. 47—48. (Разрядка моя.)

2) См. статью в том же сборнике. «Рев. движение прежде и теперь», стр. 63.

В своих произведениях, написанных в 900-е годы, Аксельрод продолжает считать, что «народнический социализм представляет собою продукт приспособления господствовавших на Западе на заре нашего революционного движения учений утопического социализма к отсталой русской действительности»²⁾. Народническое движение, по мнению Аксельрода, несмотря на свою особенную историческую основу и на свою объективно-буржуазную тенденцию, подобно утопическим социалистическим движениям на Западе, играло у нас роль подготовительного фазиса для социал-демократии.

Но в отличие от Плеханова Аксельрод и в 90-х и в 900-х годах не выдвигает аргумента о славянофильстве народников. В этот период он уже старается показать, что народническое движение не было социалистическим, и пытается вскрыть социальную-классовую сущность этого движения³⁾. «Являясь,—писал Аксельрод в том же предисловии к книге Мартова,—социалистическим по своей окраске, по стремлениям, конечным идеалам и фразеологии, движение 60 и 70 годов, по своему реальному общественному содержанию и исторической тенденции, было тем не менее движением буржуазным, разумеется, демократическим»¹⁾.

В этом же духе Аксельрод высказывался уже и в предисловии к 1-му изданию книги Мартова. Там он писал: «Субъективно, в сознании его революционных представителей, движение имело целью «изменение основ существующего строя», т. е. произведение социалистического переворота, но по всему общественному смыслу и своей реальной исторической тенденции оно стремилось к изменению правовых основ этого строя и к перераспределению поземельной собственности в пользу крестьянского сословия. Под влиянием учений утопического социализма насущная историческая задача радикального очищения русской почвы от старых юридических основ и надстроек на время совсем исчезла из революционных программ интеллигенции, так

²⁾ П. Аксельрод. Сборник статей «Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении», стр. 37.

³⁾ Не нужно забывать, что Аксельрод писал об этом в 1900 и в 1904 г., т. е. тогда, когда сами члены группы «Осв. труда» обладали уже огромным политическим опытом, да и смысл народничества стал яснее. Не мало к тому же было к этому времени написано русскими марксистами произведений с разбором и оценкой народнического движения и его учений.

¹⁾ П. Аксельрод. Сборник статей «Борьба социал. и бурж. тенденций», стр. 49.

что с формальной стороны, можно сказать, последняя грешила безусловным пристрастием к «социалистическим идеалам» и слепой враждой к либерализму»²⁾.

Из этого видно, что Аксельрод делает шаг вперед в понимании народничества, он ищет классовую сущность его и, найдя, считает ее буржуазно-демократической. Но и здесь он рассматривает народничество, как движение интеллигенции, грешившей пристрастием к социализму и по слепоте, а не в силу своей социальной сущности, настроенной враждебно к либерализму. Кстати сказать, в этом последнем замечании уже сказался в Аксельроде будущий меньшевик—политик, питающий нежное пристрастие к либерализму.

Перехода к молодым теоретикам марксизма 90-х годов, остановимся прежде всего на Мартове.

Интересно, что уже в одной из первых своих статей³⁾ (а следовательно, и первых своих определений сущности народничества) Мартов старается прежде всего, дать социально-классовое обоснование народническому направлению. Но вряд ли оно может быть признано удачным с точки зрения марксистской выдержанности. Мартов в указанной статье не останавливается на влиянии западно-европейской мысли, а ищет внутренних, российских, причин, вызвавших народничество¹⁾.

Он считает приэтом народническую идеологию идеологическим продуктом, созданной реформами 60 гг. «разночинной» интеллигенции. Эта интеллигенция, благодаря недостаточности реформ для полного развития капитализма, не находила применения своим силам, попадала в «отщепенское» положение и потому становилась во враждебное к буржуазному прогрессу положение. Отсюда складывалось отрицание неизбежности в России капиталистической стадии развития, недовольство существующим строем и сочувствие тому классу, который всего больше страдал от этого прогресса—крестьянству, «народу»⁴⁾.

²⁾ Там же, стр. 39—40.

³⁾ В журнале «Новое слово», ноябрь 1897 г. «Народничество прежде и теперь» за подписью А. Егоров.

¹⁾ В противоположность этому, в статье «Общественные и умственные движения 70 гг.», написанной в 1910 г., Мартов прямо начинает определение народничества с указания на огромное влияние на настроение нашей русской интеллигенции такого идейного фактора, как умственная жизнь и социально-политическая борьба в Западной Европе.

⁴⁾ «Народничество прежде и теперь», стр. 58.

Интеллигенция,—полагал дальше Мартов,—как культурный слой, обладала способностью претворять материальное недовольство в идеальную неудовлетворенность и смотреть на свои классовые бедствия с широкой точки зрения общественных, народных интересов. Не желая способствовать укреплению буржуазного строя, чему способствовало бы решение коренных вопросов русской жизни либеральным путем, разночинная интеллигенция, при помощи субъективного метода мышления, и предполагала направить, благодаря своим и привлекаемого ею «народа» усилиям, развитие «зародышевого» состояния России в сторону социализма, а не капитализма. Интеллигенции же отводилась, в представлениях народничества, задача взвесить «антиномность» цивилизации, отобрать «хорошую сторону» и применить ее к этой *tabula rasa*.

Но эти схематически изложенные здесь представления принадлежали, по мнению Мартова, лишь одной части народничества, той именно части, взгляды которой выражались журналом «Отечественные записки» и другими подобными ему органами. У этой части народников интересы крестьянства отражались «сквозь призму представлений и предрассудков разночинной интеллигенции».

Помимо же этой части народников были и другие,—повидимому, бакунисты 70-х гг. (в легальной статье Мартов говорит о них несколько иносказательно). Эта часть народников совершенно порвала с интеллигентным обществом, доводя порой свой разрыв до отрицания науки и интеллигенции. Она стремилась слиться с народом, «потонуть в сермяжной массе» и являлась уже чистой выразительницей интересов крестьянства ¹⁾. Мартов в своей статье не останавливается специально на этих народниках. Он отделяет их от народников—идеологов «разночинцев» и провозглашает эту часть народничества родоначальницей марксистов—этих антагонистов народничества 90-х гг. Очевидно, что Мартов не понимал еще того, что марксистская группа «Освобождение труда» явилась антитезой народничества 70-80-х годов, что бакунизм несовместим с марксизмом. Партия «Черный передел» не могла сама по себе рождать марксистов. Бывшие чернопередельцы должны были окончательно изжить и отбросить свои бакунистские взгляды, чтобы стать марксистами.

²⁾ Там же, стр. 61.

Отделив часть народничества, явившуюся выразительницей крестьянства, Мартов эволюцию другого крыла народничества рисует уже в духе Плеханова-Аксельрода. «Являясь,—говорит он,—составным элементом интеллигенции, разночинец был всецело обязан своим существованием эпохе «великих реформ», положившей прочное начало всесторонней европеизации страны и тем создавшей условия для процветания интеллигенции («свободных профессий»); являясь наиболее демократическим элементом интеллигентного общества, разночинец мог стать в антагонизм с этим обществом, поскольку оно шло на буксире крупной буржуазии, которая, руководя делом европеизации, налагала на нее печать господства плутократии, сильно обостряла процесс разложения деревни и доводила до минимума реформу верхних надстроек»¹⁾

Таким образом, народничество, выступая против самодержавия, отражало интересы интеллигенции. Но так как разночинная интеллигенция сама была связана узами кровных интересов с этой реформой, так как пореформенный строй с каждым шагом своего развития делал интеллигенцию все более необходимым общественным элементом, то естественно, по мнению Мартова, что крестьянский «романтизм» постепенно исчезал, и «дух отрицания» в разночинной интеллигенции ослаблялся. Вот почему «прежняя задача—вывести крестьянство одним прыжком из данного его состояния на новую дорогу заменялась более практической—в пределах данных, порожденных буржуазным прогрессом условий обеспечить интересы этого крестьянства. Толкаемая в сторону практической постановки задач своими собственными интересами, интеллигенция становилась способной в чистом, беспримесном виде отразить те стремления, которые все более и более должны были упрочиваться в деревне и возвести эти стремления в идеал»²⁾.

Отсюда изменения социальной политики народника. Исходным пунктом ее «теперь является уже не социальный зародыш, из которого можно возрастить любой идеальный плод, ни, тем менее, проникнутый общинным духом народ, стремящийся осуществить свой «прирожденный» коллективизм. Нет, спустившись с облаков утопии на грешную землю, наш народник оказывается

1) Там же, стр. 66. Разрядка автора.

2) Там же, стр. 67—68.

поющим песнь торжествующей на развалинах архаического крестьянского быта мелкой собственности. Взамен идеализации инстинктов и обычаев, создавшихся этим архаическим бытом, мы приходим к идеализации новых стремлений и инстинктов, создаваемых его разложением»¹⁾.

Итак, эволюция народничества в сторону выявления либеральных черт обусловливается, по Мартову, положением разночинной интеллигенции в обществе и изменением этого положения. Стали больше привлекать интеллигентов в ряды «свободных профессий», благодаря развитию капитализма в России, ну и народничество начало смягчаться и примиряться с абсолютизмом. Социальные движения объясняются Мартовым очень просто и весьма поверхностно. Если народничество по составу своему являлось интеллигентским—значит оно отражало интересы интеллигенции.

Интересно, что и либерализм объявляется Мартовым течением интеллигенции. В той же статье он указывает, что начавшийся в народнической литературе еще во второй половине 70-х годов поворот в сторону ослабления духа отрицания у разночинной интеллигенции подводил ее все ближе к постановке общих с либералами целей. Это приближение народников к либералам, в свою очередь, обозначало сближение разных фракций интеллигенции, которое сопровождалось появлением и усилением народнических ноток в либеральном концерте. А школа, которую общество имело в лице тяжелых 80-х гг., в особенности содействовала сближению народничества с обществом.

Таким образом и либералы оказываются, по Мартову, только одним из течений интеллигенции. Что же касается определения сущности народничества, то из приведенного мною выше изложения и цитат Мартова, думается, теперь ясно, что последний считает его общественным направлением, созданным особенностями материальных интересов разночинной интеллигенции, хотя эта интеллигенция по ряду причин и стремилась отразить настроение крестьянства.

Подобное отношение к интеллигенции, явно игнорирующее марксистское определение ее классовой сущности, со стороны Мартова, как в то же время и Потресова, а также и со стороны Плеханова—Аксельрода, очень характерно. Оно показывает, что

¹⁾ Там же, стр. 70.

как первые теоретики русского марксизма, так, в сущности, и ряд видных молодых теоретиков 90-х годов, критикуя народничество и преувеличение им роли интеллигенции, сами были несвободны от преувеличения ее значения, возводя ее в известной степени в самостоятельный фактор классовой борьбы.

В последующих своих произведениях Мартов уточнял и даже изменял свою точку зрения. Но при этом он не только не сходил с почвы той методологии, которой он держался в вышецитированной статье, но иногда еще более ее усугублял¹⁾.

По мере же отхода Мартова от революционного марксизма в болото оппортунизма все меньше наблюдается у него применение метода материалистического понимания истории. Данное в прежних произведениях указание на то, что народничество отражало так или иначе крестьянские интересы, устраняется и все больше последнее обрисовывается как эпоха борьбы интеллигенции за свое собственное самоопределение. «История общественных и умственных движений первых десятилетий пореформенной эпохи—писал Мартов в 1910 г.—постольку представляется прежде всего историей борьбы русской интеллигенции за свое самоопределение и за свою эмансипацию: и лишь бледно в перипетиях этой истории отражается эволюция остальных классов медленно развивавшейся, но все же не стоявшей на месте, нации»²⁾.

В этих же своих статьях Мартов отводит большое место и влиянию на формирование народнической идеологии общественной мысли и событий политической жизни Западной Европы.

Мы не будем здесь останавливаться на оценках народничества,

1) В книге «Пролетарская борьба в России» (2-е изд.) Мартов считает народничество умственным течением интеллигенции. Но при этом народничество ему представляется отражающим интересы крестьянства: «Мысль интеллигента, который, так сказать, влез в шкуру тогдашнего крестьянина, стихийно толкалась к борьбе с развитием капитализма, к попытке остановить это развитие посредством такого переворота, который бы немедленно передал все средства производства в руки трудящихся и уничтожил классы паразитов» (стр. 50). Но после 70 гг., по мнению Мартова, интеллигенция начинает смотреть на общественную жизнь с точки зрения своих собственных интересов (стр. 52). В книге «Развитие крупной промышленности» народничество представляется Мартову началом социалистического движения, только еще недоразвитым. В «Истории РСДРП» он считает народников социалистами, только не оценившими в достаточной мере революционную силу русского пролетариата.

2) Мартов, Статья в цит. сборн. «Общ. и умств. течения 70-х гг.», т. IV, стр. 17.

данных другими видными представителями марксизма 90-х годов ¹⁾. Остановимся лишь на взглядах Потресова, именно у него уже в 90-х годах обычная затем у меньшевиков концепция взглядов на народничество получила свое наиболее законченное и последовательное выражение.

Общественное оживление, которым сопровождалось 50-е и 60-е годы, отражали, по словам Потресова, единственно тот факт, что на сцену выступил новый общественный слой, именно «разночинец». Эту группу, несмотря на разношерстность, спаивало воедино определенное положение ее на ступенях общественной лестницы (ничтожен был спрос на «интеллигентность»). Это «положение «разночинца» среди других общественных групп порождает в нем определенные психологические черты» ²⁾. И одну из этих основных черт Потресов называет «отщепенством».

«Отщепенство» складывается в силу того, что «социальное положение «разночинца» создает антагонизм между ним и прочими сколько-нибудь влиятельными группами; оно заставляет его охотно противопоставлять себя им; оно делает его самым решительным критиком данного общественного строя; развивает в нем скептицизм ко всему, что исходит из «Назарета», т. е. из среды «дирижирующих» классов; оно создает идеологию, отвергающую действительность и, в свою очередь, при помощи

¹⁾ Невозможно, однако, не указать еще на А. Мартынова, правда, периода более позднего. Не рассматривая здесь его многочисленных сочинений, где он касался так или иначе народничества, необходимо отметить, что им, в бытность его меньшевиком, вновь была возрождена (вернее некритически повторена) старая идея Плеханова о двух линиях умственного движения, проходящих через весь XIX в.: борьба славянофильства с западничеством. Об этом он говорил неоднократно. В статье «Марксизм в России» (журн. «Рабочий Интернационал» № 3—4 за 1918 г.) Мартынов писал: «Русский марксизм связан исторической преемственностью со старым течением русской общественной мысли — с западничеством, точно так же, как революционное народничество преемственно связано с нашим старым славянофильством, и современная борьба внутри самого русского марксизма между меньшевиками и большевиками — есть тоже новая вариация на старый спор. Эта борьба между западно-европейским марксизмом, приуроченным к русским условиям и его самобытным, истинно-русским искажениям» (стр. 95). Таким образом, Мартынов «развил» Плеханова еще в том отношении, что спор славянофилов и западников перенес и в XX столетие, выдав большевиков за новую интерпретацию славянофильства. Впрочем, и здесь он не был оригинален. Как известно, Плеханов говорил об этом еще задолго до 1918 г. Славянофильское объяснение народничеству давал еще Струве со своей квазимарксистской точкой зрения 90 гг., но об этом ниже.

²⁾ Потресов, сб. «Этюды о русской интеллигенции», стр. 91. (Разрядка автора.)

весьма чувствительных мер отвергаемую ей; оно рождает «перспективы будущего». «Разночинец» чувствует свое бессилие в качестве самостоятельного общественного слоя, он ищет поэтому точку опоры для осуществления своих заветных целей; ищет ее в низинах социальной лестницы, где так же страдают, как и он; он становится «на родолюбив»¹⁾.

Таким образом «отщепенству» дается целое обоснование и на его основе объясняется происхождение всей суммы взглядов и всего движения, известных под названием «народничества».

Народничество, по Потресову, выражало исключительно интеллигентские интересы, и если оно спускалось в «низины» общества, то делало это только в целях получения помощи. Но при столкновениях «разночинца» с народной массой получился страшный конфликт. Все революционные выступления народнической интеллигенции 70-х годов с неудачей этого движения рассматриваются Потресовым как результат сплошного взаимного непонимания, квалифицируются им как одна из поразительнейших драм.

Строго говоря, Потресов не видит огромного значения народнического движения и не понимает того, каким большим шагом вперед в революционном движении России оно явилось. Революционное выступление народничества представляется ему заранее обреченным делом, бессмысленной тратой сил, и потому славное десятилетие 70-х годов он называет сплошным мартирологом русской интеллигенции.

Вслед за Мартовым Потресов признает, что народничество после 70-х гг. переродилось, и причиной этому были отмирание «отщепенства» и реакция 80-х гг. «Жизненные волны,—писал Потресов в той же статье за 1899 г.,—унесли старого «отщепенца»... Шли годы... Крепчала реакция. В литературе, хотя и неполно, но все же отражавшей в себе «разночинскую» психологию, начался медленно и неуклонно процесс перерождения всех старых понятий»²⁾.

Этот процесс перерождения привел к тому, что сами народники, повторяющие старые слова и будто бы те же призывы, на деле не похожи на старое революционное народничество. И сами они являются по сути дела отказавшимися от «наследства» (идей 60—70 гг.) наследователями.

¹⁾ Там же, стр. 91—92.

²⁾ Там же, стр. 102.

Интересно отметить, что еще в этой статье Потресов намечает ту схему истории дореволюционных периодов нашей партии, которая (схема) в дальнейшем была очень излюблена меньшевистскими писателями. Он утверждал, что до тех пор, пока существует «разночинец» и не изменится его социальное положение, не изменится и его психологическая физиономия. Поэтому, когда старая идейная оболочка «разночинца» — народничество — переродилось, он воспринял новую идейную форму — марксизм. В дальнейших же своих статьях Потресов уже прямо указывал, что «экономизм» с его классами и т. п. является тоже психологическим выражением социальной сущности разночинной интеллигенции. А Ленин с его теорией «профессиональных революционеров» и организационной иерархией представляется Потресову не чем иным, как новым выражением интеллигентской психологии, устами Ленина провозгласившей свой собственный культ. Вследствие того факта, что с.-д. партия насчитывала до революции 1905 г. в числе своих членов огромное количество интеллигенции, Потресов, а наряду с ним и многие другие меньшевики, не считали нашу партию пролетарской. На этом основании они постоянно тосковали о создании «массовой», по западно-европейскому образцу организованной рабочей партии (это в условиях царизма!). Этим же аргументировал и Аксельрод свою идею о «рабочем съезде», а ликвидаторы идею открытой и широкой партии.

Взгляд на народничество, высказанный в статьях 90-х гг., Потресов неуклонно повторял и в дальнейшем, ничего в сущности не меняя. Когда же произошел раскол на меньшевиков и большевиков и разногласий можно было не скрывать, то Потресов сразу напал на Ленина с возражениями и глумлениями против его известного определения народничества, данного в брошюре «Экономическое содержание народничества»¹⁾.

Из всего этого краткого изложения видим, насколько Потресов еще более, чем Мартов, подходил упрощенчески к разрешению вопроса о сущности народничества. Определяя сущность такого длительного и важного общественного движения, как народничество, исключительно только тем, какие элементы его составляли, Потресов обнаруживал не только вульгарный подход к своей задаче, но и забывал марксистское определение сущности интеллигенции.

¹⁾ См., ст. «Наши злоключения» в том же сборнике.

Как видим, попытку наиболее тонкого анализа классовой природы народничества мы находим у Плеханова.

Его роль и влияние концепции взглядов на народничество сказывалось не только в 90-х гг. Она продолжает оказывать сильное влияние и на современных авторов.

Несмотря на то, что в свое время Ленин внес существеннейшее изменение в понимание сущности народничества, нередко даже современные авторы не могут до сих пор отрешиться от трафаретной трактовки народничества, не могут подойти к рассмотрению плехановских взглядов критически и применить историческую мерку ¹⁾.

Необходимо отметить, что произведения Ленина о народниках в наше время изучаются еще очень недостаточно, благодаря чему часто не вскрывается различие ленинской и плехановской оценок народничества.

Я не буду приводить на этот счет всех многочисленных примеров, могущих отлично иллюстрировать это положение. Укажу лишь на некоторые из них. С. Я. Вольфсон в своей книге «Плеханов» считает плехановские воззрения на народничество, как и высказывавшиеся им тогда в связи с борьбой против него, взгляды на задачи нарождающейся с.-д., безукоризненными. Вследствие этого дальнейший период Плеханова, именно появление статей 1904—1905 гг., он не в состоянии понять и объяснить. Он считает их явлением непонятным и объясняет его наличием какой-то внутренней неуверенности их автора, каким-то отсутствием необходимой устойчивости ¹⁾.

Точно так же безукоризненными находит плехановскую концепцию взглядов на народничество и В. Ваганян ²⁾.

Троцкий, находясь еще в рядах нашей партии, рассматривал народнические воззрения как «революционно-самобытные предрассудки русской интеллигенции, в которых находило свое выражение высокомерие отсталости». И далее Троцкий называет народничество предрассудком, косностью и глупостью ³⁾.

¹⁾ Нередко мы наблюдаем картину того, как многие наши учебники, популярные брошюры и книги, оригинальные статьи и даже исследования о народническом периоде переполнены суждениями в духе плехановской постановки вопроса, усугубленной подчас потресовской интерпретацией.

²⁾ С. Я. Вольфсон. «Г. В. Плеханов», стр. 110.

³⁾ См. его книгу «Г. В. Плеханов».

³⁾ Журн. «Под знаменем марксизма» № 5—6 за 1922 г., стр. 5 и 6.

Характеристику народничества, которую дает Троцкий, нужно признать основной в конце концов на плехановских воззрениях. Эта характеристика сводится к признанию народничества бессмыслицей. Но автором определения народничества, как бессмыслицы, нужно считать Г. В. Плеханова. Достаточно для этого вспомнить всю его установку. Кроме того в брошюре «Анархизм и социализм» он прямо заявлял, что бакунизм—теоретическая основа нашего народничества в 70-х гг.—бессмыслица ⁴⁾.

Суровый и односторонний вывод Троцкого о народничестве лежит в основе взглядов на этот вопрос Потресова, Мартова и др. ¹⁾. Но если у последних такое представление о народниках в конце концов стало увязываться с отрицательным отношением

⁴⁾ «Бессмыслица», совершенно голая, чистая бессмыслица— вот что «начертано» на бакунистском «знамени», и не нужно никаких кровавых и огненных букв, чтобы это было вполне ясно для всех, еще не загнипозированных более или менее гремющей, но сплошь бессмысленной фразеологией. Анархизм Штирнера и Прудона был всецело индивидуалистичен. Бакунин «не желал» индивидуализма или, вернее сказать, «желал» одну только сторону индивидуализма. Он изобрел поэтому анархистский коллективизм. Но это изобретение обошлось ему очень дешево. Он дополнил утопию свободы утопией равенства. Но так как эти две утопии не «желали» мирно ужиться, так как они громко вскрикивали при склеивании, он бросил обеих в доменную печь «непрерывной революции», где, разумеется, им пришлось замолчать— по той простой причине, что как та, так и другая, совершенно улетучились. Бакунин— это декадент утопии» (т. IV, стр. 221). В этой цитате, как и во всей брошюре, Плеханов рассматривает теорию Бакунина вообще. Но таков же часто смысл его критики и российской интерпретации бакунизма— бунтарства народничества.

¹⁾ Наряду с приведенным мнением Троцкого, мы имеем в самое последнее время книжку старого соратника Потресова—Левецкого, который в отношении народничества все еще не отказался от потресовской интерпретации его.

По мнению Левецкого, народничество— «продукт отщепенской интеллигенции, которая в 60—80 гг. представляла из себя «ни паву, ни ворону», т. е. стояла вне классов. «Не имея корней в русской действительности, не связанная ни с одним классом общества, демократическая интеллигенция— все равно, разночинная или дворянская— для обоснования своих народнических стремлений неизбежно должна была прибегнуть к заимствованию передовой западно-европейской идеологии, т. е. идей социализма и анархизма. Идеи эти, отражавшие первые робкие шаги западно-европейского пролетариата в классовой борьбе, очень мало соответствовали реальным условиям русской жизни, но они отвечали психологическому настроению нашей революционной интеллигенции, которая воспринимала их без серьезной критики и подчас довольно искусственно приспособляла к России» (Левецкий. «Партия Народной Воли», Гиз, М.—Л. 1928 г., стр. 13). Таким образом идея бессмысленности и беспочвенности народничества жива и по сейчас.

к организационным идеям «Земли и воли», «Народной воли» и непризнанием прогрессивности революционного народничества, то у Плеханова получается в этом отношении очень важное и большое противоречие. Он признает взгляды народников бессмыслицей, не видит их классовой основы, но в то же время призывает следовать примеру революционных народников в отношении принципов организации, считает деятельность народничества 70-х гг. и «Народной воли» не бессмысленной драмой русской интеллигенции, а определенным шагом вперед в революционном движении России.

У Ленина, как увидим ниже, не было этого противоречия, ибо он не считал народников социалистами, а видел в них идеологов крестьянства, мелкой буржуазии, которая имела у нас две стороны своей социальной сущности: реакционную и революционную.

Итак, нужно признать, что влияние Плеханова на последующую марксистскую литературу по вопросу о народничестве было, конечно, велико, хотя далеко небезраздельно. Не обошлось дело и без разных изменений и дополнений, которые вносились в общую для всех указанных и многих других авторов плехановскую методологию вопроса. Исключение из этого правила представляет Ленин, который дал значительно отличающуюся от Плеханова методологическую установку. Помимо этого Лениным в связи с вопросом о народничестве был поднят и оттенен ряд таких моментов, которые прежде или не ставились вовсе или же задевались вскользь, не получая должной характеристики и оценки.

Остановимся на характеристике основных ленинских взглядов на сущность народничества. Это в значительной мере поможет выявить ошибки плехановской концепции на сущность народничества.

Ленинский взгляд на сущность народничества.

В жизни Ленина борьба с народничеством не играла преобладающей роли, хотя этому посвящены почти все его произведения за 90-е годы и несколько статей в последующее время.

Интересно, что уже в самых первых своих произведениях Ленин, несмотря на его молодость и огромность в то время авторитета Плеханова, выступает с анализом русской действительности, в борьбе с народничеством, в деле постановки задач русской с.-д. как зрелый и серьезный теоретик. Он не является

подражателем первым русским марксистам и дает независимое от Плеханова освещение всех этих вопросов, самостоятельно разрабатывая задачу применения учения Маркса к русским условиям.

Это, впрочем, не значит, что на Ленина Плеханов не оказал никакого влияния. Общеизвестно, как Ленин в период 90-х гг. высоко его ценил. В частности, по интересующему нас вопросу это влияние сказалось, например, в том, что Ленин, вслед за Плехановым, сразу признал положительную революционную роль народнического движения 70-х гг., высоко ставил значение партии «Народной воли», предлагал, по примеру Плеханова, заимствовать для социал-демократической партии принципы организации «Народной воли»¹⁾, считал прогрессом постановку вопроса о политической борьбе со стороны партии «Народной воли», видел в Герцене родоначальника народничества.

Несомненно, что общих точек соприкосновения между критикой народничества Плехановым и Лениным найдется не мало. Однако нельзя не видеть между ними и существенной разницы.

Уже в первом произведении—«Что такое «друзья народа»—мы находим толкование народничества, отличное от Плехановского. Так, подвергнув критике взгляды отдельных представителей тогдашнего народничества, доказав теоретическую вздорность их взглядов и утопичность их мечтаний, Ленин решительно заявляет: «Было бы отступлением от материалистического метода, если бы я, критикуя воззрения «друзей народа», ограничился сопоставлением их идей с марксистскими идеями. Необходимо еще объяснить «народнические» идеи, показать их материальное основание в современных наших общественно-экономических отношениях»²⁾.

Таким образом, если Плеханов ограничивался задачей показать несостоятельность народнических идей с марксистской точки зрения, то Ленин шел дальше и выяснял, почему народнические идеи возникли, какому классу они принадлежат. В силу такого

¹⁾ За это, между прочим, Ленин подвергся яростным нападкам со стороны Потресова, видевшего в этом преклонении перед «Н. В.» не простое почтение младшего поколения к старшему, на что был готов Потресов, а самого актуального значения заимствование организационной формы этой партии для воплощения в новых условиях не организации пролетарской партии, а оформление все той же социальной сущности разночинной интеллигенции (см. его статью «Наши злоключения», в сборнике «Этюды» стр. 277).

²⁾ Ленин, Сочинения, изд. 2-е, т. I, стр. 140.

подхода Ленин и не мог питать иллюзий о возможности массового перехода народнической интеллигенции на точку зрения марксизма, поскольку он выяснил, что народнические идеи являются продуктом мелкой буржуазии. Плеханов и его товарищи такую иллюзию питали и от нее не могли избавиться полностью до конца борьбы с народничеством. Членам группы «Освобождение труда», казалось, что социалист, убедившись в несовершенстве и даже вздорности донаучного социализма, должен от него отказаться, подобно им самим и перейти на позиции марксизма. Из этой установки рождалась и вся обрисованная выше критика Плехановым народничества.

Этим же объясняется удивительное поведение Плеханова при зарождении партии с.-р. Известно, что Ленину и др. приходилось уговаривать его выступить против этой партии. Плеханов долго отказывался и говорил, что он не знает о существовании партии с.-р. и народников. Ему, повидимому, казалось, что беспощадной критикой народничества со стороны марксистов (его самого главным образом) доказаны вздорность, утопичность и устарелость народнической теории. Народничество разбито теоретически вдребезги. А раз это так, то никакая новая партия на народнической основе создаться не может. Прокламмирование же партии с.-р. ему представлялось, очевидно, одним из фактов агонии народничества.

Не признавая наличие партии с.-р., не веря в возможность ее развития, Плеханов обнаруживал и для 900-х годов непонимание классовой основы и социального смысла народнического направления.

Отрицательно отнесся Ленин и к объяснению генезиса народничества от славянофильства. В статье «Экономическое содержание народничества» Ленин давал прямой бой объяснению народничества как возрожденного славянофильства, которое подхватил и развивал Струве ¹⁾.

Как известно, последний считал, что теория народничества имеет два основных источника: 1) учение о роли личности в историческом процессе и 2) непосредственное убеждение в специфическом национальном характере и духе русского народа и в особенных его исторических судьбах. На первое опираются, по его мнению, представители западнической фракции народничества, а

¹⁾ П. Струве, «Критические заметки», стр. 2, 29.

на второе славянофильская группа народников. К народникам-западникам Струве относил Чернышевского и Лаврова с Михайловским. Но, затем, путем разбора произведений этих последних, а также и произведений славянофильской фракции, Струве приходил к тому выводу, что все писатели обеих фракций народничества составляют одно направление, продолжающее старое славянофильство. «Всеим этим писателям,—писал Струве,—присуща, правда, в разной степени, вера в возможность «самобытного развития» России. Эта вера объединяет писателей самого различного склада, от г. Михайловского до г. Юзова, в одно направление, которому мы присваиваем название народничества. В этой вере—историческая связь между славянофильством и народничеством, в ней же отрицание самой основы западничества; вот почему мы считаем наш спор с народниками естественным продолжением разногласия между славянофильством и западничеством. Последнее не могло не следовать за Западом. Поэтому теперь оно должно иными средствами, совершенно новыми аргументами бороться против самобытности»¹⁾.

Из этого видно, как велико сходство формулировки Струве с соответствующими писаниями Плеханова. И ясно, что первый не был здесь оригинален.

Ленин решительнейшим образом напал на такое определение народничества и дал совершенно иную, действительно марксистскую постановку вопроса. «Бесспорно,—писал он,—что народники очень и очень повинны в квасном патриотизме самого низкого разбора (г. Южаков, напр.). Бесспорно и то, что игнорирование социологического метода Маркса и его постановки вопросов, касающихся непосредственных производителей, равносильно для тех русских людей, кто хочет представлять интересы этих непосредственных производителей, с полным отчуждением от западной «цивилизации». Но сущность народничества лежит глубже; не в учении о самобытности и славянофильстве, а в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя. Поэтому среди народников и были писатели (и это были лучшие из народников), которые, как это признал и г. Струве, не имели ничего общего с славянофильством, которые даже признавали, что Россия вступила на тот же путь, что и Западная Европа. С такими категориями, как славянофильство и западничество, в вопросах

1) Там же, стр. 29. Разрядка автора.

русского народничества никак не разобраться. Народничество отразило такой факт русской жизни, который почти еще отсутствовал в ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно: противоположность интересов труда и капитала. Оно отразило этот факт через призму жизненных условий и интересов мелкого производителя, отразило поэтому уродливо, трусливо, создав теорию, выдвигающую не противоречия общественных интересов, а бессильные упования на иной путь развития, и наша задача исправить эту ошибку народничества, показать, какая общественная группа может явиться действительным представителем интересов непосредственных производителей»¹⁾.

Определяя народничество 90-х гг. как представительство интересов мелкого производителя, Ленин сразу переводил разбор теорий народничества с абстрактных высот критики его, как одного из этапов умственного развития России, на конкретную почву выяснения их социально-классовой сущности. А определив ее, как мелкобуржуазную, Ленин легко и правильно мог объяснить, почему народники мечтали об ином пути развития для России. Для этого им вовсе не нужно было становиться славянофилами. Отсюда и их вздорные и утопические с точки зрения марксизма воззрения и мечтания получали определенный смысл. Становилось ясным, с кем имеешь дело и как с этой реакционной теорией нужно бороться.

Ленин не ограничивался простым сопоставлением идей народничества с марксистскими идеями даже в своем первом произведении. В «Что такое «друзья народа» он ищет классовые корни народничества и еще там дает свое определение последнего, как теории, отражавшей мелкого производителя. В этой книге он, между прочим, писал: «картинки и примеры экономики наших крестьян и кустарей показывают, что такое этот «крестьянин», идеологами которого хотят быть «друзья народа». Они доказывают буржуазность экономики нашей деревни и тем подтверждают правильность отнесения «друзей народа» к идеологам мещанства. Мало того, они показывают, что между идеями и программами наших радикалов и интересами мелкой буржуазии существует самая тесная связь. Эта связь, которая будет еще яснее после разбора программы их в деталях, и объясняет нам

¹⁾ Ленин, Сочинения, т. I, стр 278—279. Разрядка автора.

такое широкое распространение в нашем «обществе» этих радикальных идей; она же прекрасно объясняет и политическое лакейство «друзей народа» и их готовность идти на компромиссы»¹⁾.

Итак, уже в первом своем произведении Ленин указывает на мелкобуржуазную сущность народничества. Народническое направление (одним из течений которого Ленин считает «друзей народа»), существующее десятилетия, рассматривается им как направление, имеющее глубинные классовые корни. Объяснение этого направления, как мировоззрения изолированных идеологов «отщепенской» интеллигенции, было совершенно чуждо Ленину.

По вопросу об эволюции народничества Ленин применяет также выдержанно-материалистический метод. В отличие от других марксистских объяснений этой эволюции, трактовавших ее, как результат логических выводов интеллигенции из своих неудач на предшествующих этапах развития, разочарований под влиянием поражений, упадка веры в революцию и т. п., Ленин объясняет ее изменениями в социально-классовых отношениях. «...Деревня давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму, с другой—выродившись в пошлый мещанский радикализм. Иначе как вырождением нельзя назвать этого превращения. Из доктрины об особом укладе крестьянской жизни, о совершенно самобытных путях нашего развития—вырос какой-то жиденький эклектизм, который не может уже отрицать, что товарное хозяйство стало основой экономического развития, что оно переросло в капитализм, и который не хочет только видеть буржуазного характера всех производственных отношений, не хочет видеть необходимости классовой борьбы при этом строе. Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества—выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ современного общества»¹⁾.

Ленин здесь так же, как и Плеханов, говорит о вырождении народничества, но это вырождение объясняется им не простой путаницей воззрений, а всем ходом исторического развития Рос-

1) Ленин, Сочинения, т. I, стр. 140.

1) Там же, стр. 165. (Разрядка автора.)

сии. Развитие страны перед реформой 1861 г. шло к революции, но революция была отсрочена освобождением крестьян. Реформы 60-х годов дали некоторый исход силам капитализма; поэтому волнения обманутых крестьян в 60-х гг. и революционное народническое движение 70-х гг. были волнами неразразившейся бури. Буря должна была в дальнейшем неизбежно разразиться, так как крепостнические путы, модифицировавшись, продолжали давить на развитие производительных сил, а господство помещиков-крепостников невыносимо угнетало политическую жизнь страны. Но пока что капитализм делал свое дело, вносил все большее разложение в строй прежних экономических отношений, разваливал деревню с ее общиной, оказывал давление на мелкобуржуазные массы. Естественно, что крестьянство (мелкая буржуазия вообще) в силу своей классовой природы не могло поддаться возрастающей силе буржуазии. Поэтому народничество, начавшись в 60—70-х гг. как протест против остатков крепостничества и буржуазности, в период 90-х годов не могло подняться снова на революционную борьбу, мечтая о том, чтобы как-нибудь приспособиться к условиям существующего строя. В дальнейшем эта надежда крестьянства оказалась несостоятельной, жизнь его становилась невыносимой, и оно снова вступило на революционный путь. Однако тогдашнее положение и настроение крестьянства выражали народники 90-х годов, лишенные революционных черт.

Спустя много лет Ленин, подводя итоги развитию народничества, пришедшего к началу второго десятилетия XX в. к полному упадку и развалу, писал: «Народничество очень старо. Его родоначальником считают Герцена и Чернышевского. Расцветом действительного народничества было «хождение в народ» (в крестьянство) революционеров 70-х гг. Экономическую теорию народников разрабатывали всего цельнее В. В. и Ник.—он в 30-х гг. прошлого века. В начале XX века социалисты-революционеры выражали наиболее оформленно взгляды левых народников. Революция 1905 г., показав все общественные силы России в открытом массовом действии классов, дала генеральную проверку народничества и определила его место. Крестьянская демократия—вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества»¹).

¹) Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2., 1-е дополн. изд стр 23. Статья «О народничестве». (Разрядка автора.)

Из этого видно, что Ленин, спустя 20 лет, остается верен тому определению народничества, которое он давал еще в «Что такое «друзья народа». И, кроме того, ясно, что Ленин различное выражение, которое принимало в те или иные периоды народничество, рассматривал как проявление одной и той же классовой сущности—крестьянской демократии. В народничестве он видел единую цепь одного и того же направления, начиная с родоначальника его Герцена вплоть до эсеров XX в.

Но это не значит, что Ленин не видел тех или иных примесей в народничестве в известный период или не различал отличий разных его течений и даже отдельных идеологов одного и того же течения. Еще в «Что такое «друзья народа» он указывал, что в 70-х гг. демократизм и социализм сливались в одно неразрывное целое. Но затем, под влиянием происшедших социально-экономических изменений, эти два направления должны были разойтись, и поход «Русского богатства» против марксистов, начавшийся в 1894 году, только подтверждал это обстоятельство 1).

Как известно, Ленин в «Что такое «друзья народа» особенно усиленно доказывал вздорность и реакционность народнических теорий, поскольку они стремились выдать себя за социалистическое учение. Поэтому он настаивал на разрыве с идеями старого «русского социализма». Но Ленин не ограничивается этим и дает там же (в период полного отсутствия крестьянского революционного движения) замечательный анализ, выясняющий две стороны народничества, отражающие две черты в существо русского крестьянства.

Доказав, что теории старого русского крестьянского «социализма», которые пропагандируются в ухудшенном виде «друзьями народа», одним из представителей одного из направлений мещанско-социалистических идей,—не являлись социалистическими и не могли не вырождаться, Ленин пишет: «Прошу заметить также, что я говорю о необходимости разрыва с мещанскими идеями социализма. Разобранные мелкобуржуазные теории являются безусловно реакционными, поскольку они выступают в качестве социалистических теорий. Но если мы поймем, что на самом деле ровно ничего социалистического тут нет, т. е.

1) Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2, 1-е дополн. изд. Статья «Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция».

все эти теории безусловно не объясняют эксплуатации трудящегося и потому абсолютно неспособны послужить для его освобождения, что на самом деле все эти теории отражают и проводят интересы мелкой буржуазии,—тогда мы должны будем иначе отнестись к ним, должны будем поставить вопрос: как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам? И на этот вопрос нельзя ответить, не приняв во внимание двойственный характер этого класса (у нас в России эта двойственность особенно сильна вследствие меньшей развитости антагонизма мелкой и крупной буржуазии). Он является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования... он является реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении... Эти две стороны мелко-буржуазной программы следует строго различать и, отрицая какой бы то ни было социалистический характер этих теорий, борясь против их реакционных сторон, не следует забывать их демократической части»¹⁾).

Такой формулировкой Ленин не только вскрывал двойственный характер народничества. Этим он вносил также огромное изменение в постановку вопроса о задачах пролетариата и с.-д. партии. Данная в «Что такое «друзья народа» постановка вопроса может поистине считаться образчиком мастерского применения диалектического метода.

Однако ленинское определение сущности народничества не удовлетворило некоторых тогдашних лидеров марксизма. И не удовлетворяло, собственно говоря, уже в 90-х гг. Но в те времена нельзя было марксистам спорить между собой, тем более по вопросу о народничестве.

Зато в 1905 г., после раскола в социал-демократической партии, Потресов выступил с решительной и подробной критикой определения народничества как идеологического выражения мелкого производителя. В своей статье «Наши злоключения» Потресов, приведя ленинское определение народничества, писал: «Иностраный читатель, который имел бы несчастье ознакомиться с Россией по Тулину, был бы конечно вправе сказать: очевидно, что русское общественное течение, которое известно под именем

¹⁾ Ленин, Соч., т. I, стр. 184, изд. 2-е. (Разрядка автора.)

народничества и о плеяде идеологов которого я издавна так много слышал, есть течение в среде русского крестьянства, кустарей или ремесленников, и было бы крайне важно узнать от г. Тулина что-нибудь более определенное, более конкретное об этом интересном явлении в жизни «мелкого производителя» России. Но мы-то, русские люди, мы знаем хорошо, что народнические течения и движения были характернейшим продуктом той «национальной» категории революционной России, которая называется интеллигенцией и которая представляет из себя пестрый конгломерат буржуазных и отщепенски деклассированных элементов»¹).

И далее, этот истинный продолжатель дела Нарцисса Тупорылова продолжал издеваться над Лениным. Потресову ленинское определение казалось простым промахом, неловким «пассажем», когда Ленин «одним росчерком пера» проглотил интеллигенцию и на ее место посадил кустаря или крестьянина. Для него,— это характерно было впоследствии для меньшевиков вообще,— было достаточным определение народничества как продукта интеллигентской психологии. Не будучи в состоянии дать объяснение такому значительному явлению русской жизни, как народничество, писатели этого лагеря ограничивались псевдо-марксистским определением его в зависимости от того, каков был состав участников.

Строго говоря, в дальнейших своих произведениях Ленин не вносил никаких новых изменений в определение сущности народничества, данном в «Что такое «друзья народа». Конечно, в статье «От какого наследства мы отказываемся?» интересна сжатая, чеканная формулировка системы воззрений народничества²). Огромное значение имеет также брошюра «Экономическое содержание народничества» как потому, что здесь дается критика струвианства, так и потому, что она еще глубже вскрывает сущность народничества. Статья «К характеристике экономического романтизма» вскрывает мелко-буржуазную сущность народничества, обнаруживая связь и сходство народнических воззрений с реакционными и отсталыми теориями Запада. Я не говорю уже о такой капитальной работе, как «Развитие капитализма в России», в которой дается наглядное и убедительнейшее опровержение народнической теории о самобытном пути развития.

1) Потресов, Сборник статей «Этюды о русской интеллигенции», стр. 262—263.

2) Ленин, Соч., т. II, стр. 231, изд. 2-е.

Само собою разумеется, что Ленин во всех этих, как и в других, более мелких своих произведениях говорил о народничестве не одними и теми же словами. По разным поводам он выдвигал новые черточки и штрихи, на которые не указывалось ранее, и развивал, оттенял то один момент, то другой. Но, повторяю, ничего сколько-нибудь принципиально отличного от того, что было высказано в «Что такое «друзья народа», по данному вопросу мы не найдем. Приходится поражаться, как Ленин глубоко продумал вопрос о народничестве и насколько строго взвесил он свою аргументацию уже в первом своем произведении.

Иногда, впрочем, приходится слышать, что Ленин в своих позднейших произведениях довольно значительно изменял свои взгляды на народничество. Указывают, например, на то, что он Кавелина и др. либералов 60-х годов причислял также к народникам, считал их представителями либеральной тенденции в народничестве. Если бы Ленин на самом деле свалил в одну кучу либералов и народников, то, конечно, мы имели бы смешение в одно течение двух совершенно различных по своей социально-классовой сущности направлений. Но ничего подобного нет даже в этой статье «По поводу юбилея», единственной, которая дает повод причислять либералов 60-х годов к народникам, к народническому движению. В данной статье Ленин писал: «Это двоякая, либеральная и демократическая тенденция в народничестве вполне ясно наметилась уже в эпоху реформы 1861 г. Мы не можем здесь останавливаться подробнее на анализе этих тенденций, в частности на связи утопического социализма со второй из них, и ограничимся простым указанием на различие идейно-политических направлений, скажем, Кавелина—с одной стороны, и Чернышевского—с другой»¹). Из этого беглого указания делают иногда вывод о том, что Ленин считает и либералов и народников одним направлением, имевшим только два различных оттенка. Но если не вырывать эту цитату, а взять ее в связи с контекстом всей статьи, то мы увидим, что уже здесь, абзацем ниже, Ленин разъясняет свое понимание этих двух тенденций, как двух разных социально-классовых направлений. Он пишет: «Из двух указанных тенденций народничества демократическая, опирающаяся на сознательность и самодеятельность не

¹) Ленин, Собр. соч. т. XI, ч. 2, стр. 234, 1-е доп. изд. (Разрядка автора).

помещичьих, не чиновничьих и не буржуазных кругов, была крайне слаба в 1861 г.»¹).

Что речь в ст. «По поводу юбилея» шла не о народничестве и заложенных в нем тенденциях, очень хорошо показывает статья «Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция», написанная всего через месяц после первой. Эта статья трактует тот же самый вопрос и по форме построения напоминает первую, являясь как бы расширенным и исправленным изданием ее. В ней Ленин дает гораздо более, чем в юбилейной статье, основательный и глубоко продуманный анализ смысла реформы и ее последствий.

«19 февраля 1861 г.,—писал он,—знаменует собой начало новой, буржуазной России, выраставшей из крепостнической эпохи. Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию... Эти две исторические тенденции развивались в течение полувека, прошедшего после 19 февраля, и расходились все яснее, определеннее и решительнее. Росли силы либерально-монархической буржуазии, проповедывавшей удовлетворение «культурной» работой и чуравшейся революционного подполья. Росли силы демократии и социализма,—сначала смешанных воедино в утопической идеологии и в интеллигентской борьбе народовольцев и революционных народников, а с 90-х годов прошлого века начавших расходиться по мере перехода от революционной борьбы террористов и одиночек-пропагандистов к борьбе самих революционных классов»²).

Из этого ясно видно, что Ленин, беря народничество в историческом разрезе, рассматривает его, а также и либералов, как две не прерывавшие своего существования и боровшиеся между собой исторические тенденции, две различные классовые силы. Они наметились еще в 60-х годах, затем росли и крепили и в 1905 г. нашли себе выражение в движении масс, в борьбе партий на самых различных поприщах.

Думается, что такое понимание связи этих двух статей отвечает истинному положению дела, так как по вопросу о двух тенденциях развития страны после 1861 г., о двух общественно-поли-

1) Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 234—235.

2) Там же, стр. 262—264, 1-е дополн. изд.

тических направлениях, отражавших их, Ленин высказывался не раз. Это высказывание не может быть признано случайным, ибо оно органически входит во всю концепцию взглядов Ленина о периоде после 1861 г. И потому думать, что Ленин мог смешать в единое общественно-политическое направление Чернышевского с его антагонистом—Кавелиным, совершенно не приходится. Скажут, что Ленин мог считать Кавелина и Чернышевского представителями одного направления—народничества, находившегося в 60-х годах в зародышевом состоянии и потому совмещавшему в себе обе тенденции. Это было бы извращением Ленина, так как он отлично знал, что как бы ни были малоразвиты отношения в тогдашней России, эти два направления не существовали и в то время как одно целое, а резко между собой враждовали. В написанной через год после этих двух статей статье «Памяти Герцена» Ленин говорит о непримиримой борьбе не только Чернышевского, но и Герцена против либерала Кавелина, сообщает, как радовался «подлый либерал Кавелин» аресту Чернышевского. В этой же статье Ленин еще раз квалифицирует Кавелина как одного «из отвратительнейших типов либерального хамства»¹⁾.

Из той же статьи Ленина «Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция» мы видим, что он не разрывает народничество на какие-то две части, из которых одна может быть зачислена по разряду народничества, а другая, нося то же название, на деле им не является. Народничество 90-х гг. разбирается Лениным, как составная часть этой общей народнической тенденции, хотя оно к этому периоду сильно изменилось, являя собой жалкий вид вырождения бывшего когда-то революционного направления.

Что дело обстоит именно так, что Ленин видел помимо реакционных черт также и прогрессивные элементы даже в народничестве 90-х годов, показывают не только приводимые выше цитаты из его произведений 90-х годов, но и оценка, данная в 1914 г. главному предводителю похода народников против марксистов. В статье «Народники о Михайловском» Ленин, протестуя против попытки либералов и буржуазных демократов выдать Михайловского за социалиста и доказать примиримость его буржуазной философии и социологии с марксизмом, пишет: «Михайловский был одним из лучших представителей и выразите-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 1, стр. 98 и 99, 1-е дополн. изд.

лей взглядов русской буржуазной демократии в последней трети прошлого века... Великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России было то, что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой печати—хотя бы намеками, сочувствие и уважение к «подполью», где действовали самые последовательные и решительные демократы-разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью»¹⁾.

Далее Ленин указывал, что Михайловский, как и полагается буржуазному демократу, разделял все слабости буржуазно-демократического движения. И потому, говорил он, «мы чествуем Михайловского за его искреннюю и талантливую борьбу с крепостничеством, «бюрократией» (извините за неточное слово) и т. д., за его уважение к подполью и за помощь ему, но не за его буржуазно-демократические взгляды, не за его колебания к либерализму, не за его группу «социал-кадетов» «Русского богатства»²⁾.

В связи же с цитатой из статьи «Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция» необходимо однако сделать также одно замечание. В этой статье сказано, что старое народничество, вплоть до 90-х годов, представляло собою революционную борьбу террористов и одиночек-пропагандистов, а с 90-х годов начинается борьба самих революционных классов. Могут сказать, что ведь о народничестве как о борьбе террористов и одиночек-пропагандистов писал Потресов. Не был ли он прав, когда критиковал Ленина за его определение народничества, как выразителя мелкого производителя? На самом деле, не трудно видеть, что также и в 90-х годах Ленин и не думал утверждать, что в тогдашнее народническое движение XIX века были вовлечены крестьянские (или мелкобуржуазные вообще) массы. Он не раз указывал и тогда, что боролись-то под народническим знаменем интеллигенты, но социально-классовый смысл их борьбы заключается в том, что они отражали не свои групповые чаяния, а интересы мелкого производителя. Ничего подобного тому, что изображал Потресов в своем кривом зеркале, Ленин и не думал утверждать,

1) Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2, 1-е дополн. изд. стр. 370.

2) Там же, стр. 373.

Два слова еще о шестидесятниках. Этот вопрос упирается в вопрос о гёнезисе народничества. Ленин и в этом направлении дал также несколько отличное от Плеханова объяснение.

Как известно, Плеханов считал появление народничества продуктом всего предшествующего развития русской общественной мысли. И останавливаясь на теориях и идеях тех или иных мыслителей или движений, Плеханов обычно не задается целью выяснить их классовую природу, вскрыть их внутренний социально-классовый смысл.

Не то у Ленина. Он, следуя за Плехановым, называл шестидесятников «просветителями». Но опять-таки это название не носит у него того условного и абстрактного характера, который на лицо у Плеханова. Как уже было выше сказано, Ленин делит шестидесятников на две части—либеральную и демократическую, каждая из которых питается определенными классовыми корнями.

Написанная по этому поводу еще в 90-х годах статья «От какого наследства мы отказываемся» дала впоследствии Потресову предлог напасть на Ленина по вопросу о предшественниках народничества и об отношении марксистов к ним. В той же статье «Наши злоключения» он возмутился: как это Ленин считает нас, марксистов, «наследниками» «наследства» 60-х гг. в лице Скалдина—в 70 гг. умеренного либерала, а затем в 90 гг. совсем уже мракобеса! Потресов при этом, конечно, не понимал и извращал Ленина. На самом деле Ленин доказывал в этой статье реакционность идей народничества 90-х гг. о невозможности развития у нас капитализма. И, разбирая писания либерала 60—70 гг. Скалдина, он прямо отзывался о нем, как о представителе буржуазии, жаждущем водворения полного капиталистического строя. Ленин считал это показателем прогрессивности подобных стремлений либералов 60-х гг. в сравнении с утопическими народническими идеями противодействия капиталистическому ходу развития.

Почему же Ленин брал для примера такого нехарактерного представителя 60 гг., как Скалдин? В одном из примечаний к этой статье Ленин указывал, что он не берет более типичного представителя 60-х гг., во-первых, по разным причинам (среди которых цензурные условия, а также пребывание в ссылке играли не последнюю роль) и, во-вторых, потому, что это могло породить недоразумение при параллели с современным народничеством ¹⁾. В последнем случае речь, повидимому, шла о пред-

¹⁾ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 329, 1-е дополн. изд.

ставителях демократической тенденции—Чернышевском и др. Коснуться их,—значило затруднить свою задачу, так как в то время шел между марксистами и народниками горячий спор вокруг Чернышевского по вопросу о том, зачислить ли его в качестве отца народничества или в качестве предшественника марксизма. Отчасти этим, вероятно, вызваны работы Плеханова о Чернышевском, правильно освещавшие последнего, но в которых он стремился подчеркивать огромность различий между Чернышевским и народниками. Естественно, что при этом Плеханов перегибал несколько палку, смазывал народнические черты Чернышевского, этой пестрой и неоднородной, по выражению М. Н. Покровского, но склонявшейся в сторону народничества фигуры.

Заканчивая, можно сделать следующий вывод. Из сопоставления концепции Плеханова и воззрений ряда лидеров меньшевизма на сущность народничества со взглядами Ленина на этот вопрос, мы видим огромное между ними различие. Плеханов и следовавшие его методологии Аксельрод, Мартов, Потресов и др. считали народничество течением социалистической интеллигенции, причем, забывая марксистское определение классовой природы интеллигенции, отводили ей самостоятельную роль в общественно-политическом развитии страны. Мотивировалось это экономической отсталостью России, обусловливавшей слабость нашей буржуазии. Такая установка нашла себе яркое выражение в первой программе группы «Освобождение труда», она наложила свою печать на антинароднические произведения Плеханова и в дальнейшем она далеко не была изжита. «Одним из вреднейших следствий этого отсталого состояния производства—говорится в этой программе—было и есть до сих пор неразвитое состояние среднего класса, который неспособен у нас взять на себя инициативу борьбы с абсолютизмом. Социалистической интеллигенции пришлось поэтому стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве»¹).

Таким образом, исторические условия России вели к тому, что интеллигенция приобретала роль самостоятельного фактора в классовой борьбе. Мало этого, на долю «разночинной» интеллигенции выпадала задача руководства борьбой за социализм. Рассматривая народническую и складывающуюся марксистскую ин-

¹) Плеханов, т. II, стр. 359—360.

теллигенцию как социалистические направления, Плеханов приходил к выводу о вздорности и нелепости социалистических взглядов народников. Не будучи в состоянии вскрыть под социалистической словесностью мелкобуржуазную сущность народничества, боровшегося за демократический путь развития капитализма в России, Плеханов вольно и невольно создавал легенду о бессмысленности народнического направления вообще.

Другую и целиком марксистскую постановку вопроса о сущности народничества дал нам тов. Ленин. Он вскрыл социально-классовый смысл народничества, откинул его социалистичность, отвел соответствующее место роли интеллигенции. Это дало возможность выработать совершенно правильное отношение к народничеству (а следовательно к мелкой буржуазии и крестьянству) марксистов и наметить задачи нарождавшейся в России социал-демократии.

Не ограничиваясь этим, Ленин дал также объяснение, почему меньшевики заняли такую, а не иную позицию в борьбе с народничеством. В письме к т. Скворцову-Степанову он писал: «Особенность русского оппортунизма в марксизме, т. е. меньшевизма в наше время, состоит в том, что он связан с доктринерским упрощением, опошлением, извращением буквы марксизма, изменой духу его (так было и с рабочедельством и с струвизмом). Воюя с народничеством, как с неверной доктриной социализма, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества, как теории массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма прусского»¹).

Итак, свойственное оппортунизму доктринерское упрощенство и опошление буквы и духа марксизма заставляло меньшевиков, пользуясь тем, что в антинароднических произведениях Плеханова было не мало непереваренных остатков от прежних его народнических представлений, не замечать классовой сущности народничества, объявлять его нелепостью, бессмыслицей, а героическое народническое движение 70-х гг. считать непонятной драмой.

В. Малаховский

¹) Ленин, т. XX, ч. 1, стр. 315, 1-е дополн. изд. (Разрядка автора.)